

Герман Черемушкин 29.08.97

ВЕРНИСАЖ

МОСКВА — ЧЕРЕМУШКИ: ПУТЕШЕСТВИЕ В 60-е ГОДЫ

В эти дни, когда столица готовится отметить свой юбилей, мне попал в руки небольшого формата альбом «Москва в гравюрах и рисунках Германа Черемушкина». Минуту тридцать лет со времени его издания. Изменился наш город, вместе с ним и мы. Пожилыми стали шестидесятники, но романтическая искра в глазах многих из них сохранилась с того времени, которое названо хрущевской «оттепелью». Споры о роли их поколения, наверное, будут вспыхивать еще долго. Действительно, не все однозначно, но теперь ясно — это поколение создателей. Мне стало любопытно, как сложилась судьба автора альбома, коренного москвича.

По специальности Черемушкин — художник-монументалист. В 1959 году окончил Московское высшее художественно-промышленное техническое училище (бывшее Строгановское), пройдя школу таких замечательных художников, как С. Герасимов, Г. Коржев, Б. Иорданский, В. Егоров.

«Очень московская» фамилия, возможно, происходит от названия деревни Черемушки. Это теперь она стала районом столицы, а во времена его молодости — в конце 50-х — только появилась комсомольская стройка Черемушки на окраине столицы как символ ее обновления, которая дала название таким же районам почти во всех городах Советского Союза. В альбоме ныне заслуженного художника России Германа Вячеславовича Черемушкина нет изображения этой стройки, но ведь понятно, что в задачу художника и не входит фотографическое воспроизведение действительности. «Художник пишет время. Изобразительное искусство как никакой другой жанр наиболее точно передает его дух», — считает Черемушкин. Поэтому в его гравюрах Москва — «непохожая», но такая узнаваемая.

Московская графика художника — это вдохновение влюбленного в свой город большого мастера и доброго человека. «Вся страна жила по московскому времени, по кремлевским часам, — говорит Черемушкин. — Моя задача состояла в том, чтобы показать — несвобода была даже в счете времени. Я — коренной москвич, и мой родной город интересен мне не только как златоглавая столица, но и как место, где пересекаются противоречия нашего времени». Порой можно услышать, что Черемушкин, мол, «очень советский художник». Да, он ра-

ботает в духе «социализма». Но, как всякий мыслящий, талантливый художник, выходит за пределы какого-то определенного направления. Иначе чем объяснить, что стержнем этой серии стала гравюра «Очередь за новостями». Какую новость ожидаем мы? Так, в форму вопроса, и облечено первое в советском искусстве изображение очереди. «Сейчас газетные заголовки пестрят вопросами, — говорит Черемушкин, — это естественно для человека — ставить перед собой вопросы и решать их. А у советских людей была предельная ясность во всем, никто из нас не имел права задумываться над такими вопросами, как — «кто мы?», «куда идем?», «что делать?» и так далее, потому что они были решены однажды в 1917 году и навсегда. Было даже специальное постановление ЦК КПСС, запрещавшее ставить вопросительный знак в заголовках. Дошло, как всегда, до абсурда: на обложке многих изданий романа Чернышевского «Что делать?» убирался несчастный знак препинания. Это все равно, что отменить букву «а»...».

На ставшей хорошо известной «вопросительной» гравюре на гипсе — «пространства» как бы и нет, не помечена никак почва, на которой стоят люди. Работа вызвала вопросы у компетентных органов: «Почему — очередь? Какие вопросы могут быть у советского человека? Почему фигуры советских людей черные — они что, вышли из ада?» Друзья защитили его. Тем более, что имя Черемушкина было уже известно и находилось под определенным контролем: в числе молодой творческой интеллигенции его приглашали на семинары, организуемые тогдашним министром культуры Фурцевой. Здесь он познакомился с Аллой Демидовой, Василием Аксеновым и многими другими, чьи имена стали символами шестидесятых.

В те времена редакция журнала «Юность» была «островком свободы», на котором родились имена Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулиной, Гладилина. Здесь была устроена однажды персональная выставка Германа Черемушкина. Главный редактор Борис Полевой пригласил к себе молодого художника и завел разговор о его дальнейшей судьбе: «Герман, здесь, в Москве, трудно пробиться художнику, даже если он очень талантлив. Поезжай на трассу Тюмень — Сургут — Уренгой и запечатай свое имя там». Герман послушал совет

писателя, тем более, что это было вполне в духе того времени — романтика освоения неизведанных просторов Сибири.

Позднее Герман Вячеславович скажет: «Сибирь для художника, особенно молодого, загадка глубокая. Разгадать ее предстоит не этюдами и набросками, а тяжелым и упорным трудом». В этих словах и заключается секрет того, почему «трасса имени Черемушкина» получилась. За десятилетия, что были посвящены Сибири, он оформил вокзалы на трассе Тюмень — Сургут — Уренгой, здание Усть-Илимской ГЭС и ее Дворца культуры, создано великолепное мозаичное панно «Солнце, воздух и вода» в Тобольском спорткомплексе, большой керамический цикл убранства Дворца культуры имени Чкалова в Новосибирске. Дома культуры, въезды в сибирские города по автомобильным дорогам и множество других объектов оформлял Герман Черемушкин. Труды его не остались незамеченными: за монументально-декоративное решение комплекса Тобольского железнодорожного вокзала

в 1975 году он был удостоен премии Ленинского комсомола. А друзья ему присвоили звание «московский сибиряк». Родной город вспомнил о талантливом художнике-монументалисте лишь в начале 90-х: на бетонных опорах нового моста через Москва-реку, что неподалеку от Марьино, поднялись фрегаты и якоря, придуманные и исполненные Германом Черемушкиным. Изящно стилизованные декоративные знаки удивительно органично вписались в ландшафт. Остается только сожалеть, что столица полнится вызывающими оторопь сооружениями, а не подобными, мастерски выполненными работами.

«Эмиграция» из Москвы не ограничивалась Сибирью. Он объездил полмира в поисках впечатлений: советская Средняя Азия, Дальний Восток, Индия, Латинская Америка, европейские страны, а в Финляндии и Гвинее (Конакри) остались гобелены и произведения керамики его работы. И вот недавно — еще одна поездка в Италию. Он был приглашен сюда Институтом русского языка, а для экспозиции выбрал московский цикл, который существенно пополнился за тридцать лет, прошедших со времени издания альбома о столице. В начале 80-х появляются новые мотивы. У «очень советского» художника они бы звучали в тон парадному духу времени. А у Черемушкина, к примеру, вылетающие из Кремля и парящие над Москвой правительственные автомобили застят свет над столицей и имеют вид демонический, отнюдь не торжественный. Чуть позже, уже в «перестроечное» время, — далеко не парадный, плачущий в своем мавзолее Ленин, осознавший вдруг ужас последствий начатого им дела. Такими печальными оказались ответы на поставленный в молодости вопрос...

Почему же на родине Леонардо, Рафаэля, Боттичелли... словом, в стране самой богатой художественной истории заинтересовались творчеством художника Черемушкина? Ясно, что ценители искусства могли привлечь только талантливые работы, которые ярко показывают, чем жила здесь, за «железным занавесом», как складывалась судьба таких вот «тихих» шестидесятников, не уехавших на Запад делать себе громкое имя, а отдавших пыл своей души родным краям. К их числу принадлежит художник Герман Черемушкин.

Герман ЧЕРЕМУШКИН. Музыка в груди. 1960 г.

Маргарита МАРУТЯН